

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. А. МАРДЖАНИШВИЛИ

ТАЛАНТ ЩЕДРЫЙ И ПРАЗДНИЧНЫЙ

Путь Котэ Марджанишвили на поприще режиссуры был самобытен и сугубо индивидуален. Глубина его творчества, тесно связанная со своей родной землей, Марджанишвили являл собой, говоря словами А. В. Луначарского, пример широчайшего и беспредельного интернационализма. Его многолетняя режиссерская деятельность на грузинской, русской, украинской, латышской и других сценах, его дружба со многими деятелями отечественной и зарубежной культуры воплощали глубокий диалектический процесс сближения и взаимосвязи различных национальных культур. Богатая, многовековая традиция дружбы грузинского народа с русским и другими народами нашла в его творчестве своеобразное и глубоко последовательное отражение.

Марджанишвили был необычайно многогранным художником. Диапазон его деятельности был так же широк, как и его первозданное творческое начало. Размах его режиссерских исканий, подчас вменялся в привычные понятия сценических норм — он всегда рвался вперед, неутомимый, не успокаиваясь на достигнутом, вечно неудовлетворенный собой и достоянием искусства.

Современно мыслящий художник, Марджанишвили как нельзя более широко отразил в своей творческой практике приметы времени, черты эпохи. Связь с эпохой и тонкое общественное чутье всегда определяли характер его творчества, его гражданское лицо.

Сценическую деятельность Марджанишвили начал в самом начале 90-х годов прошлого столетия как актер. В формировании его идейно-эстетических взглядов решающую роль сыграли идеи национально-освободительного движения, возникшие в Грузии под влиянием русских революционных деятелей — Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова и провозглашенных лидерами этого движения великими грузинскими писателями И. Чавчавадзе и А. Церетели. Огромную роль в судьбе Марджанишвили, в укреплении его на путях реалистического искусства сыграли передовые, демократические традиции лучших представителей грузинского театра конца XIX века.

Прогрессивный взгляд на театр, который унаследовал от своих первых учителей в искусстве, давал о себе знать с самого начала его пребывания на русской сцене, который отдал он 25 лет своей жизни. Преодоление высокой идейности репертуара привело Марджанишвили уже на раннем этапе его режиссерской деятельности к драматургии А. П. Чехова и А. М. Горького.

Котэ Марджанишвили пришел в искусство в эпоху бурную и крутую. На идеологической арене шла ожесточенная борьба между различными, подчас исключительными друг друга, идеями и эстетическими течениями.

Марджанишвили всегда был в самой гуще этой борьбы. Поддаваясь соблазнам первооткрывателя неизведанных истин, он порою испытывал на себе влияние эстетских, декадентских настроений, отдавал дань условности и мистицизму. Однако не эти настроения определяли, в конечном счете, его истинную позицию в искусстве. В период начинавшейся в стране реакции он выступает на страницах печати с заявлением, в котором ратует за театр высокой идейности, доступный не только для избранных, но и для широких масс, выдвигает идею театра, способного стать трибуной народных мыслей.

В борьбе за высокую идейность репертуара, реализм и народность театрального искусства путь Марджанишвили скрепляется с Московским Художественным театром. Здесь, в этом театре, столкнувшись с вилотной с методами работы К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Работая в 1910—1913 гг. в Художественном театре, Марджанишвили активно включается в его повседневную жизнь. По поручению Станиславского он проводит занятия со студентами по «системе», принимая

непосредственное участие в создании спектаклей «Гамлет» и «Братья Карамазовы», являясь сорежиссером Станиславского, Г. Крага и Л. Сулержицкого по «Гамлету» и Немировича-Данченко по «Братьям Карамазовым». Руководство театра поручает ему самостоятельную постановку — «У жизни в лапах» К. Гамсуна и «Пер Гюнт» К. Ибсена. Оба спектакля несли на себе печать его яркой творческой индивидуальности.

В 1913 году, после ухода из МХТ, Марджанишвили организовал в Москве «Свободный театр». Искусство, театр должны прежде всего радовать, — писал в этот период

низирующее значение театра и нашли воплощение героя и пафос новой эпохи.

В следующем году в Петербурге выступает он в качестве постановщика массового театрализованного зрелища — «К мировой коммюне», в котором прославилась Октябрьская революция, героическая борьба в роли в эпоху гражданской войны. Здесь же, в Петербурге, организует он Государственный театр комической оперы, работает в театре политической сатиры — «Вольная комедия», руководит самостоятельным рабочим театром.

В 1922 году Марджанишвили вернулся в Грузию

завать Вторым государственным театром Грузии. Театр этот через два года был переведен в Тбилиси, а в 1933 году, после смерти Марджанишвили, ему было присвоено имя основателя.

В новом театре Марджанишвили продолжает свои поиски по линии утверждения синтетического искусства, воспитывает молодое поколение актеров и режиссеров, укрепляет связи с советской драматургией. Подвигаясь бою с искусством, осуществленным на сцене нового театра, — на тему о советской действительности. Среди них — «В самом сердце» Ш. Дадиани, «Кваркваре Тутабери» П. Какабадзе.

В 1931 году он снова в Москве, где осуществил постановку в «Строители Солнца» Г. Ибсена в театре б. Корша. В 1933 году работал над спектаклем «Дон Карлос» Шиллера в Малом театре и опереттой И. Штрауса «Легкая мысль» в Московском театре оперетты. Смерть прервала эти работы, театры выпускали их уже без Марджанишвили.

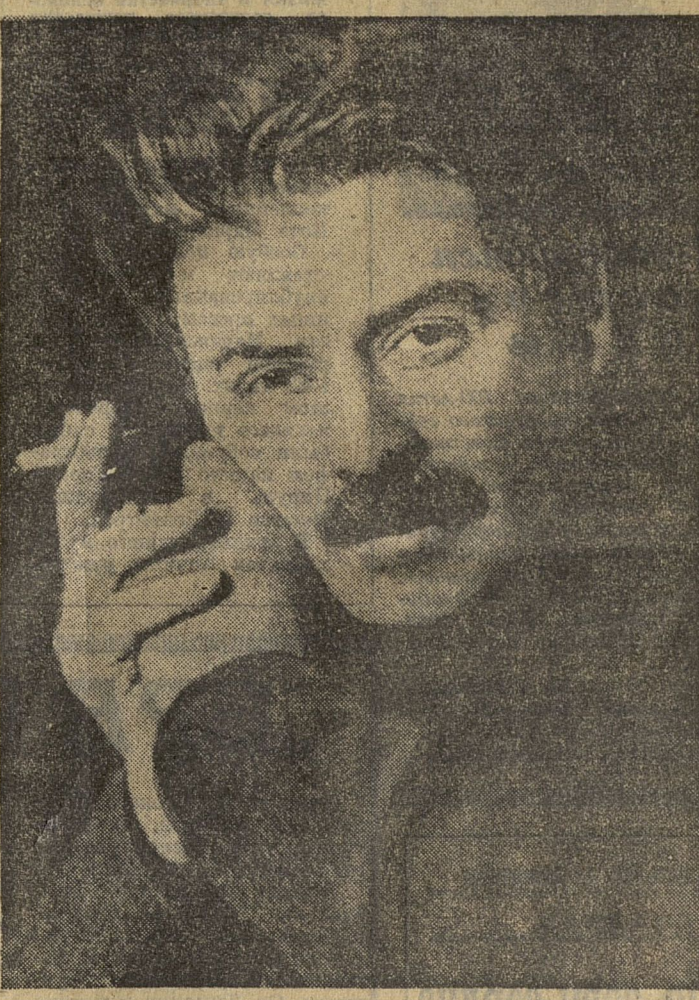
Котэ Марджанишвили не был теоретиком искусства и никогда не ставил перед собой цель научно обосновать свое творческое кредо. И тем не менее его статьи по вопросам театра, мысли, высказанные по поводу тех или иных проблем театрального искусства, его увлекательные мемуары, написанные с живым задором и непринужденной легкостью, обретают характер четкой и последовательной системы взглядов на роль и назначение театра, многое объясняют в его практической деятельности.

Ученики и последователи Котэ Марджанишвили идут его дорогой, чтят его заветы. Заветы эти помогают сегодня нашему театру найти правильные пути разрешения тех великих задач, которые ставит перед нами жизнь.

Марджанишвили породил эпоху. На долгие времена определил он развитие грузинского советского театра, более того, имя его стоит в одном ряду с именами К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, Е. Б. Вахтангова и В. Э. Мейерхольда. Марджанишвили — неотъемлемая часть русской театральной культуры, обогащая искусство советского театра в целом. Он один из зачатей советского театра, один из создателей театрального искусства социалистического реализма и тех традиций, которые двигают и развивают многонациональную советскую театральную культуру.

Этери ГУГУШВИЛИ.

На снимках (слева направо): сцены из спектаклей — «Кваркваре Тутабери» П. Какабадзе, «Затмение солнца в Грузии» З. Антонова, «Гамлет» В. Шекспира, — поставленных К. Марджанишвили.

Счастлив грузинский театр, и имеющий в лице Котэ Марджанишвили такого энтузиаста-руководителя.

М. Горький.

ДАНЬ УВАЖЕНИЯ И ЛЮБВИ

М. ЦАРЕВ, председатель Всесоюзного Театрального общества, народный артист СССР.

100-летие со дня рождения Константина Александровича Марджанишвили — наш общий праздник. Его творчество обогатило сокровищницу всего советского театрального искусства. Мне не довелось работать вместе с Константином Александровичем, но я неоднократно встречался с ним, и каждая такая встреча оставляла яркое, незабываемое впечатление.

Это был необычайно многогранный художник, с широким размахом, божественной фантазией — подлинный новатор сцены. Замечательный педагог Константин Александрович воспитал целую плеяду великих режиссеров и актеров, которые с честью продолжают его дело.

Сегодня знаменательный юбилей празднуют на земле солнечной Грузии, а затем торжества переместятся в другие города страны, — туда, где работал К. Марджанишвили. Готовится широко отметить славную дату и театральная общественность Москвы.

Имя Константина Александровича Марджанишвили навсегда вошло в историю нашего театра. Его творчество и сегодня глубоко современно.

Е. ТОГОЛЕВА, народная артистка СССР.

Сегодня я испытываю огромное волнение и радость. Я счастлива, что приехала в Тбилиси для участия в праздновании 100-летия со дня рождения великого мастера, замечательного режиссера Константина Александровича Марджанишвили.

К. Марджанишвили стоял в Малом театре «Дон Карлоса» Шиллера. Это были незабываемые дни. Работа с этим вдохновенным художником наполнила неизбывной радостью. Этот совместный труд на всю жизнь творчески обогащает меня.

Внезапная смерть прервала работу Константина

Александровича над «Дон Карлосом». Постановочный коллектив, продолжая готовить пьесу, бережно, с любовью к Марджанишвили, ставился осуществить то, что было задумано Константином Александровичем, — не упустить ни одной черточки, ни одного творческого совета, которые он давал при жизни. На премьере все мы как бы незримо ощущали его присутствие. А когда спектакль завершился, на сцену опустился огромный портрет К. Марджанишвили.

Это был великий мастер, великий художник, память о котором незабвенна.

А. КООНЕЦ, народная артистка СССР.

С Константином Александровичем Марджанишвили меня всю жизнь связывала большая дружба. И сейчас, в эти юбилейные дни, мои мысли часто возвращаются к замечательному художнику и человеку.

Пьеса Ибсена в творческой интерпретации К. Марджанишвили была овеяна романтикой и поэзией. Еще я вспоминаю ценнейшие человеческие качества Константина Александровича, его доброту, открытость людям, сердце, его верность дружбе. Память о замечательном режиссере и человеке — Константине Александровиче Марджанишвили навсегда сохранится в моем сердце.

ДАНЬ УВАЖЕНИЯ И ЛЮБВИ

О. КУСЕНКО, народная артистка СССР.

В помещении нынешнего Украинского театра имени Ивана Франко играла труппа прежнего театра Соловья, где замечательный режиссер Котэ Марджанишвили поставил знаменитый спектакль «Фузунте Овехуна» Лопе де Вега.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ, доктор искусствоведения.

По меткому определению Анатолия Васильевича Луначарского, «ею в олице оказалась в глубоком внутреннем согласии и созвучии с театральным темпераментом К. Марджанишвили». Великий режиссер считал, что театр обязан быть созвучным эпохе. И вполне закономерно, что, прочитав пьесу В. Маяковского «Мистерия-буфф», Константин Александрович решает осуществить ее постановку.

Сначала он думал поставить ее в Киеве, где руководил студией театральных опытов «Роза и крест» (его планы были сорваны приходом в город денацинцев), а за

тем уже в Тбилиси — в театре имени Ш. Руставели. Он просил Тбилизи Табидзе перевести «Мистерия-буфф» на грузинский язык.

Помню нашу встречу с Марджанишвили в Москве. Маленькая настоятельная лампа освещала его живое и выразительное, но очень усталое лицо. Он с увлечением рассказывал мне о своем великолепном плане сыграть «Мистерия-буфф» на горе Давида.

Постановка эта требовала больших средств. Досадно, что в то время в республике их не было и великий режиссер не смог показать нам это прекрасное и грандиозное зрелище.

С. АРУТЮНЯН, профессор, заслуженный деятель искусств Армянской ССР.

Наша юность совпала со зрелостью К. Марджанишвили. Наша зрелость совпала со всеобщим признанием его творчества в нашей стране и за ее пределами. Поэтому мое поколение очень естественно праздновало 100-летие со дня рождения великого мастера сценического искусства.

Армянская театральная общественность всегда высоко ценила и ценит яркое искусство К. Марджанишвили. Реализм, оптимизм, красочность его творчества мы всегда воспринимали как неотъемлемые качества советского театра.

СЛОВО — МАРДЖАНОВЦАМ

В. АНДЖАПАРИЗЕ, народная артистка СССР.

Стоит мне закрыть глаза, как передо мной встает образ Котэ Марджанишвили — его вдохновенное и красивое лицо, его вечно молодые, всегда искрящиеся смехом глаза. У него были маленькие руки, которыми он строил волшебные замки и густо насыпал их сияющими и честными словами, умеющими бороться и умирать за правое дело. Но еще больше он любил людей, поющих гимны жизни, солнцу. Ведь он был служителем театра-праздника.

Константин Александрович был человеком тонкой патуры, умеющим в нужную минуту подбодрить актера, вселить в него частицу своего темперамента, энтузиазма. Припомню генеральную репетицию «Уриэля Акоста» в Кутаиси. Это был полный провал. Я нервничала, играла неровно, не слушая ли своих партнеров, не музыки. Умная Чхенква, играющая Уриэля, подхватила мое настроение, тоже «вышел» на образ.

Увидев мое состояние, Константин Александрович вдруг оборвался с духом, улыбнулся своей чарующей улыбкой и сказал: «Да, роль его прекрасная примета, значит, премьера пройдет успешно». Да, сейчас даже трудно оценить силу этих слов Марджанишвили. А как они помогли нам тогда...

В. ГОДЗИАШВИЛИ, народный артист СССР.

Я всегда мечтал играть роли героические и почему-то был уверен, что Котэ Мар-

джанишвили, встреча с которым мне предстояла в Тбилиси, куда переехал наш театр, обязательно поручит мне большую и интересную роль.

Но вот Константин Александрович распределил все роли... Мне достался Тутти в «Трех толстяках» Олени, а потом целый калейдоскоп поларктических и полумрачных старцев.

Я чувствовал себя глубоко оскорбленным. Одни меня успокаивали, другие — пошеивали надо мной... Много воды утекло с тех пор, тучи то сгустились надо мною, то рассеивались... И уже намного позже я убедился в мудрости экспериментов великого режиссера...

До сих пор не могу без сожаления вспомнить, что нам не удалось показать зрителям спектакль «Разбойники» Шиллера, который начал ставить Котэ Марджанишвили. Спектакль получился блестящим. Мне была поручена роль (убы, опять) старика-отца Максимилиана фон Моора. Эта была новая, марджановская, трактовка Шиллера и, в частности, образа отца.

К. МАХАРАДЗЕ, народный артист Грузинской ССР.

Светлая и прекрасная жизнь Котэ Марджанишвили в искусстве является постоянным примером для всех режиссеров, актеров, деятелей культуры и для коллектива нашего театра, ибо этот человек отдавал всю свою жизнь, весь жар своего сердца любимой работе, бережно храня национальные традиции, обогащая их революционным духом современности.

И эта высокая честь для актера работать в театре, где великим режиссером были поставлены бессмертные спектакли, в театре, «живущим» по его заветам. Я сравнительно недавно работаю в театре имени К. Марджанишвили. И несмотря на то, что на этой сцене много было сыграно много ролей, до последнего времени я считал не вправе называть себя «марджановцем». И лишь после «Уриэля Акоста», после создания образа Уриэля в спектакле, который был поставлен великим К. Марджанишвили и возобновлен его ученицей и единомышленником, замечательной актрисой Верикой Анджапаридзе, я с гордостью могу сказать — я марджановец.

Джемал МОНИАВА, актер.

Когда в нашем театре поставлен удачный спектакль, успешно проходит премьера, мы обычно говорим — это марджановский спектакль или — мы сегодня играли по-марджановски. Для нас, молодых актеров, имя Котэ Марджанишвили сим-

воплощает собой искусство героическое, торжественное, праздничное, романтическое. И мы гордимся, что нам посчастливилось работать в театре, носившем имя этого великого и талантливого режиссера, играть на сцене рядом с его учениками, последователями и единомышленниками — Верикой Анджапаридзе и Васо Годияшвили.

Марджанишвили писал: «Школы могут менять вкусы и предпочтения, но одно неизменно — театр есть то место, где человек физически отделяет в себе доброту и говорит сердцу... Каким же должен быть наш театр? Реалистическим, романтичным, лирическим — только чарующим, только пьянящим... Таким хочется видеть театр, носящий его имя, воспитанный на его традициях».

Котэ Марджанишвили среди деятелей грузинского театра. В первом ряду слева направо — М. Микаберидзе, Д. Мжавиш, во втором ряду слева направо — К. Гамрекели, Б. Гамрекели, Е. Доуаури, К. Марджанишвили, А. Микадзе, В. Анджапаридзе, Т. Чачибая, А. Васадзе.

